

Тип 4 – карикатуры, содержащие иконический компонент и вербальный компонент, представляющий собой *монолог (обращенный / увиденный) и надпись*.

В данной карикатуре («Моя семья», № 49) вербальный компонент представлен двумя вариантами – монологом судьи («Постоянным клиентам у нас скидки...») и надписью («Самый гуманный суд в мире»). Комический эффект здесь возникает в результате интеграции вербального и иконического компонентов. Надпись служит для пояснения и усиления сатирической функции карикатуры.

Тип 5 – карикатуры, состоящие из иконического компонента и вербального, который представляет собой *диалог и надпись*.

В ситуации («Моя веселая семейка», № 47) представлено 2 участника, которые обмениваются репликами, т.е. общение происходит в форме диалога. Кроме того, в карикатуре присутствует надпись «БУДУЩЕЕ», которая служит для пояснения (адресат карикатуры понимает, что один из участников ситуации находится на сеансе предсказания будущего).

Сатира в карикатуре служит для критики социальных, общественно-политических и бытовых явлений, исходя из этого, можем классифицировать карикатуру по тематике. Среди основных тем можно выделить следующие: семейная жизнь, вредные привычки, охрана природы, взяточничество, политика, медицина, армия.

Типология по характеру вербального компонента является наиболее важной в нашем исследовании, так как она позволяет наиболее ярко продемонстрировать взаимодействие вербального и иконического компонентов в карикатуре. В дальнейшем мы проведем анализ ряда карикатур с точ-

ки зрения создания комического эффекта, опираясь на данную классификацию. При анализе мы будем определять коммуникативную цель карикатуры (что высмеивается и критикуется), характер связи между компонентами (тип креолизации) [2] и выявлять приемы создания комического эффекта при взаимодействии вербальных и иконических средств.

Таким образом, мы классифицировали карикатуру по следующим категориям: а) по наличию компонентов, б) по характеру вербального компонента, в) по тематике. В результате по наличию компонентов мы выделили 2 группы карикатур:

- состоящие из иконического и вербального компонентов;
- содержащие только иконический компонент.

Также мы определили, что карикатура, включающая в свой состав только иконический компонент, не является креолизованным текстом. В результате исследования нами была разработана типология карикатур, включающих в свой состав вербальный и иконический компоненты. Опираясь на данную типологию и методику анализа карикатуры [2], в дальнейшем мы сможем предпринять попытку анализа данного вида креолизованного текста.

Примечания

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова: Учебное пособие. М.: Академия, 2003. – 128с.
2. Воронина О.А. Карикатура как вид креолизованного текста / О.А. Воронина // Вестник ЦМО МГУ, 2009, №2. Русистика. С.14 – 18.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 396 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
5. Сорокин Ю.А., Тарасов Ю.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Ю.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1980. – 240с.
6. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник / В.Е. Хализев. М.: Высшая школа, 2000. – 399 с.

Т.А. Голованева

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ РЕФЕРЕНТА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ И НАРОДНЫХ ЛЕГЕНДАХ

Исследование языка фольклора предполагает множество аспектов, один из которых – исследование механизмов референции. Жанровая специфика текста обуславливает выбор персонажей, стратегию развертывания сюжета, доминирование определенных мотивов, использование заданного круга клишированных словесных формул. Вероятнее всего, жанровая специфика текста играет роль и в выборе средств актуализации референта. Прежде всего, это касается механизмов интродуктивной референции.

К настоящему времени в лингвистике утвердилась теория различения механизмов интродуктивной и отсылочной (анафорической) референции [1, с. 5 – 6]. Если отсылочная референция

опирается прежде всего на анафорические средства связи, то интродуктивная референция использует весь возможный спектр идентифицирующих номинаций.

Средства актуализации референта подразделяются на лексические и грамматические. Лексические средства актуализации референта охватывают круг лексем и их комбинаций, при помощи которых в текстах обозначены референты.

Человеческая речь первоначально была предельно конкретна, т.е. предельно референциальна. Лингвисты выдвинули эту гипотезу на основании результатов изучения детской речи [2, с. 21 – 27]. Обобщения и абстракции – это уже другой, более высокий уровень развития мышления. Человек так или иначе овладевает референциальными механизмами: его речь может быть конкретной и обобщенной, в зависимости от коммуникативных задач, возникающих перед ним в процессе общения. В этой связи интересно проследить: конкретным или обобщенным предстает мир в фольклорных текстах, как это зависит от жанровой специфики текста.

Некорректно ставить вопрос, насколько референциально конкретен фольклорный текст, т.е. насколько он соответствует объективной действительности. Однако целесообразно исследовать, какие языковые механизмы позволяют достигнуть эффекта правдоподобия и насколько этот эффект правдоподобия необходим в текстах разных фольклорных жанров. Эти вопросы могут быть разрешены в аспекте теории референции.

Главная гипотеза данного исследования состоит в том, что система средств актуализации референта обусловлена жанровой спецификой текста.

В данной статье представлен анализ лексических способов актуализации референтов в мифологических рассказах и народных легендах.

В фольклористике и легенды, и мифологические рассказы принято относить к несказочной прозе. И в легендах, и в мифологических рассказах переплетаются два уровня восприятия жизни: уровень утилитарного, обыденного и уровень сверхъестественного. Сюжетная интрига и в легендах, и в мифологических рассказах строится на внезапности, неожиданности или, напротив, закономерности вмешательства сверхъестественных сил в ход обычной человеческой жизни. Если в легенде обычная человеческая жизнь изображается обобщенно, то в мифологических рассказах предельно конкретно. Так сложилась повествовательная традиция. В связи с этим наблюдаются принципиальные различия в образной системе. Мифологические рассказы и легенды различаются между собой по уровню референциальной конкретности. Этот аспект дифференциации подчеркивается исследователями. В частности, В.П. Зинovieв отмечал свойственную мифологическим рассказам референциальную ясность: «В быличках мы оказываемся полностью в мире повседневности, обыденности, чаще всего деревенского быта, деревенской домашней жизни, здесь действуют обыкновенные, реальные люди – сами рассказчики либо их близкие и знакомые <...>» [3, 7]. Дело не только в том, насколько достоверными представляются события мифологического рассказа или легенды, но сама специфика текстов требует определенных способов актуализации референта.

Анализ лексических актуализаторов, востребованных в русских народных христианских легендах, позволяет утверждать, что описанию персонажей в легендах свойственен низкий уровень референциальной конкретности, для мифологических рассказов, напротив, характерна предельная конкретность в изображении персонажей. Жанровая специфика текста определяет приоритеты в выборе средств лексической актуализации. Типичными средствами актуализации персонажей являются: имена собственные, статусные идентификаторы, гендерные термины, термины родства, локальные актуализаторы, этнические идентификаторы.

Рассмотрим, какова специфика функционирования типичных средств актуализации референтов в народных легендах и мифологических рассказах.

Имена собственные. Имя собственное является самым сильным средством актуализации референта. В автобиографических и мифологических рассказах имена собственные не только являются средством актуализации референта, но и выполняют определенную стилистическую функцию, поддерживают эффект правдоподобия повествования: «Со Знаменки, Калей, Калеев фамилия его, Андрей Егорович» [3, с. 54, 45 / В ссылке сначала указывается номер источника в порядке встречаемости в данной статье, затем – номер текста и номер страницы]; «Так вот в поселке Федор Трофимыч однажды, значит, мне и рассказывает» [3, с. 61, 49]; «Дружинин рассказывал...» [3, с. 64, 50].

В мифологических рассказах имена собственные могут входить в состав многокомпонентной дескрипции. В этом случае референциальная конкретность имени собственного усиливается: «Вот это бабушка Аксинья-то расскажет тоже...» [3, с. 294, 200].

В народных легендах востребованность имени собственного зависит от типа героя. При помощи имен собственных в легендах актуализируются святые. Имена простых людей, героев повествования, в легендах, как правило, не названы. Святые персонифицированы в легендах, в то время как простые смертные, напротив, предстают в достаточно обобщенном виде: «Вот как-то идет Илья-пророк с Николой полем этого самого мужика <...>» [4, с. 353, 488]; «Вот шел он, шел и по-встречал Николу-угодника <...>» [4, с. 354, 501].

В легендах не всегда при интродуктивной актуализации святого используется имя собственное, напротив, сюжетная интрига как раз и может состоять в том, что святой сначала предстает как неузнанный: «Одинове идет он в кабаке – стоит старичок у кабака. <...> А был то Николай-чудотворец» [4, с. 368, 520]; «В церкви недостало ему одного яйца: оставался еще один срамной нищий. <...> И только тут узнал мужик, что это был сам Господь Иисус Христос» [4, с. 372, 524].

Исследователи поэтики народных легенд отмечают особую роль имени собственного в организации сюжета: «В этиологических сюжетах на библейские сюжеты и связанных с этими сюжетами народных поверьях имена собственные играют сюжетобразующую и в ряде случаев знаковую роль, служат связующим звеном между нарративом и его этнографическим контекстом, текстом и обрядом. Отметим, что действующие лица этих легенд – хорошо известные носителям традиции «канонические» персонажи, с которыми связан определенный круг фольклорных нарративов» [5, с.

87)]. Имена собственные в легендах и мифологических рассказах выполняют разные функции. В легендах имена собственные играют сюжетообразующую роль: с именем святого связан определенный круг сюжетов. В мифологических рассказах имена собственные служат свидетельством достоверности повествования, так как в этих текстах имена собственные отсылают к реально существующим людям, которые могут подтвердить слова рассказчика.

Статусные идентификаторы. Статусные идентификаторы актуализируют персонажа в соответствии с его общественным статусом, в эту группу входят наименования протагониста по роду деятельности.

Интересно, что статусные идентификаторы очень востребованы в народных легендах: *Жил на свете судья, судил всегда по правде и совести, взяток не брал* [4, с. 350, 492]; *«Монах утром проспал – поторопился, не благословясь налил воды умыться, в нечистый в умывальник и прыг – застался»* [4, с. 357, 506]; *«Жил-был поп, приход у него большой и богатый, набрал он много денег и понес прятать в церковь; пришел туда, поднял половицу и спрятал. Только пономарь и подсмотрит это <...>»* [3, с. 354, 500]; *«Два старичка пришли к купцу <...>»* [3, с. 362, 512]; *«Жил-был стрелец и пошел раз на озеро, а Илья-пророк навел на озеро громовую тучу, гремит»* [3, с. 366, 519]; *«Жил-был плотник один <...>»* [3, с. 369, 522].

Функционирование статусных идентификаторов в легендах коррелирует с сюжетной спецификой текстов подобного типа. Назидательный характер легенды предполагает акцентное выделение статуса референта. Фактически статус персонажа предопределяет особенности его поведения. Сюжетная интрига подчеркивает соответствие или несоответствие действий персонажа тому стереотипу поведения, который соответствует его статусу.

Совсем иначе выстраивается система приоритетных референциальных актуализаторов в мифологических рассказах. Сюжетная специфика этих текстов, напротив, нивелирует статусную дифференциацию: перед нечистой силой все равны. В мифологических рассказах статусные идентификаторы встречаются гораздо реже, чем в легендах. Интересно, что среди целого ряда возможных номинаций по роду деятельности в мифологических рассказах особое место занимает статусный идентификатор «учитель». Номинация «учитель» не просто указывает на статус героя повествования, но подчеркивает факт его образованности. В этом и состоит интрига сюжетного действия: образованный учитель точно в такой же степени подвержен нападениям нечистой силы, как и остальные жители деревни: *«Здесь, значит, жил учитель»* [2, с. 89, 65]; *«Александр Константинович был учитель (он сейчас умер), пришел и говорит <...>»* [2, с. 98, 72].

Если в народных легендах статусные идентификаторы функционируют самостоятельно, без дополнительных актуализаторов, то в мифологических рассказах статусные идентификаторы, как правило, функционируют в качестве одного из компонентов многокомпонентной определенной дескрипции. Это связано с низким уровнем референциальной определенности статусных идентификаторов: *«Конюха нашего колхозного Сережу Бочкарева увел <...>»* [2, с. 52, 43]. В подобных случаях

референциальное значение статусного идентификатора конкретизируется.

В легендах статусные идентификаторы используются самостоятельно, без дополнительных актуализаторов: *«Жил-был купец и хоть нищим подавал, а ночевать к себе не пускал»* [3, с. 370, 522]. Того уровня референциальной конкретности, который свойственен статусным идентификаторам, достаточно для актуализации персонажа в легендах.

Гендерные термины. Гендерные термины идентифицируют референта в соответствии с его половозрастными характеристиками. Гендерный термин обладает низкой референциальной значимостью. Сниженный уровень референциальной конкретности характерен для легенды, в связи с этим гендерные термины в легендах очень востребованы: *«А тут сидел парень из того же села, слушал все это <...>»* [3, с. 352, 498]; *«Немножко поповал, старичок идет путем-дорожкой <...>»* [3, с. 352, 496]; *«Давно было; жил-был мужик <...>»* [3, с. 353, 498].

В мифологических рассказах предпочтительнее использование лексем с предельно конкретной референциальной семантикой, таким способом усиливается эффект достоверности изображаемых событий. Однако иногда, в тех случаях, когда рассказчик не владеет конкретной информацией о референте, рассказчику приходится прибегать к гендерным терминам: *«Это вот тоже мне рассказывали... Мужик ехал домой откуль-то»* [2, с. 86, 63]; *«Бабка, короче, одна (это еще было до революции дело), она пошла за водой, по воду <...>»* [2, с. 71, 53]; *«Один мужчина пахал на быках в поле и потерял их»* [2, с. 173, 118].

Необходимо отметить, что функционирование гендерных терминов без дополнительных актуализаторов снижает уровень референциальной определенности текста. В связи с этим, в тех случаях, когда рассказчик обладает более полной информацией о референте, он, как правило, актуализирует ее в тексте, так как референциально значимая информация является свидетельством достоверности изображаемого события.

Термины родства. Термины родства обычно предполагают опору на предшествующий контекст. Это касается тех случаев, когда единственный референт представлен как включенный в вертикальную родственную цепь. Не требуют опоры на предшествующий контекст термины родства в том случае, если одновременно вводится множество референтов (два и более), которые связаны горизонтальной родственной связью (два брата, три сестры) или родством по браку (муж и жена). Если единственный протагонист вводится при помощи термина родства, то в предшествующем контексте должен быть обозначен первичный референт, относительно которого выстраивается родственная цепь.

Термины родства функционируют в качестве референциальных актуализаторов в легендах и мифологических рассказах примерно в равной степени. Референциальная конкретность терминов родства зависит от жанровой специфики текста.

В легендах термины родства актуализируют характер родственных отношений между персонажами, при этом сами персонажи могут быть обрисованы очень обобщенно: *«Было у отца три сына <...>»* [3, с. 360, 509]; *«Жила-была старуха, у ней был один сын и одна дочь»* [3, с. 383, 513].

В мифологических рассказах чаще всего исходным звеном цепи родственных отношений является сам рассказчик. Объективный характер родственной связи с рассказчиком подчеркивает факт достоверности изображаемых событий: «А вот у меня отец рассказывал» [2, 90, 65]; «С дядей моим было. Родной дядя, отцов брат» [2, с. 15, 21]; «Тут у нас племянник» [2, с. 18, 23]; «Бабка мне рассказывала про моего деда» [2, с. 58, 46].

В автобиографических и мифологических рассказах терминам родства присуща референциальная конкретность, которая может усиливаться в том случае, если термин родства, наряду с другими актуализаторами, входит в состав определенной дескрипции: «Свет мой с женой своей Александрой хорошо жили» [2, с. 51, 42].

Локальные актуализаторы. В легендах мотив странствия является одним из стимулов развития сюжета, в связи с чем локальный актуализатор может быть востребован в качестве одного из компонентов определенной дескрипции: «Вот они шли-шли и очутились в другом государстве; видят — по всей стране печаль великая, и узнают, что у тамошнего царя дочь беснуется <...>» [3, с. 354, 502]. В данном случае локализатор «тамошний» выражен при помощи формы относительного прилагательного, образованного от местного наречия «там», что обуславливает его сниженную референциальную конкретность. Как правило, локальный актуализатор способен конкретизировать, уточнять информацию о референте. В легендах локализатор, идентифицирующий референта, может использоваться и без связи с мотивом странствия: «У муромского князя была на ноге рана и сильно болела <...>» [3, с. 359, 508].

В мифологических рассказах указание конкретного, реального пространства поддерживает эффект правдоподобия повествования. Как правило, указание на связь между референтом и конкретным locus обозначается в тексте мифологического рассказа при помощи обстоятельства места: «В Знаменке...Его, значит, звали Чапом, старика» [2, с. 53, 43]; «Это я как в Ботках родился, там и жил, там и учился. И что ты?! В одном доме получилось» [2, с. 81, 59]; «Жили мы с бабкой не Трудовой в двадцать седьмом году» [2, с. 15, 21].

Достаточно редко встречаются случаи, когда локализатор является компонентом интродуктивной референциальной дескрипции: «В Бурукане... Буруканский рассказывал нам, Перфентий...<...>» [2, с. 59, 4]. Такой способ актуализации референта не является типичным, так как для обозначения связи референта с определенным пространством рассказчик, как правило, использует обстоятельство места.

Этнические идентификаторы. Этнические идентификаторы в качестве референциального актуализатора в народных легендах встречаются крайне редко. По всей видимости, это связано с тем, что легенда как жанр предполагает масштабное изображение человека. Этнический идентификатор подчеркивает индивидуальные различия людей, обусловленные объективными фактами действительности, а легенда, напротив, уравнивает всех перед Богом.

В мифологических рассказах этнические идентификаторы встречаются чаще: «Его одна бурятка лечила» [2, с. 43, 37]; «А потом бурят лечил в суседах» [2, с. 184, 129]. Необходимо отме-

тить, что этнические идентификаторы достаточно редки и для мифологических рассказов. Однако это связано не со стремлением к обобщению (как это происходит в народных легендах), а с тем фактом, что мифологические рассказы циркулируют в рамках определенной узкой локальной традиции, и этнический идентификатор просто не является актуальным для идентификации референтов, допустим, жителей одной деревни. В том случае, если для населения конкретной деревни этнический идентификатор актуален (допустим, в деревне проживают представители нескольких этносов), то в стилистике мифологических рассказов этой деревни факт этнической дифференциации должен отразиться в выборе референциальных актуализаторов. С другой стороны, выбор этнических идентификаторов в качестве средства интродуктивной референции обусловлен жанровой спецификой текста и ходом сюжетного повествования, например, этнические идентификаторы более всего востребованы в исторических преданиях о межплеменных войнах.

Качественные прилагательные. Качественные прилагательные достаточно редко используются как средство интродуктивной актуализации референта. В лингвистической литературе отмечается нежелательность подобных номинаций в качестве идентифицирующих. А. Вежицкая указывает на тот факт, что «обозначения лица типа подлинный художник, отличный оратор, хороший пловец и т.п. мало пригодны для идентифицирующих целей <...>», основная часть значения приведенных сочетаний указывает не на объективные признаки референта имени, а на отношение к нему говорящего» [цит. по 6, с. 196]. Однако в народных легендах качественная оценка вполне может быть заявлена при первом упоминании персонажа: «В Саратовской губернии у одного несчастливого священника в одну темную осеннюю ночь в двенадцать часов и по pokojам и на кухне стук и гром, и шум» [4, с. 355, 503]. В данном случае качественное прилагательное «несчастный» фактически выполняет катафорическую функцию, предваряет те несчастья, которые только еще будут изображаться в дальнейшем повествовании.

Качественные прилагательные могут использоваться для актуализации общественного статуса референта. Этот способ интродуктивной референции протагониста востребован в легендах: «Жил-был в селе богатый мужик. Приходит к нему бедный мужик из того же села, просит муки на квашню» [4, с. 352, 496]; «В некотором царстве жил-был богатый мужик» [4, с. 351, 493].

В мифологических рассказах для интродуктивной актуализации референта качественные прилагательные практически не используются.

Актуализация референта может происходить по актуальному в настоящий момент действию. Интродуктивная актуализация подобного типа встречается в легендах, например: «Шел прохожий и выпоросился ночевать к одному дворянину <...>» [4, с. 361, 511]. В данном случае при помощи субстантивированного причастия создается временной срез референции. Субстантивированное причастие актуализирует не постоянно присущие признаки, характеризующие референта, а временные, актуальные для настоящего момента. Н.Д. Арутюнова противопоставляет подобные признаки, имеющие динамический характер, признакам, имеющим статический характер [6, с. 196]. Харак-

теристика референта по выполняемому в настоящий момент действию, т.е. в соответствии с динамическими характеристиками, значима для развертывания сюжетной интриги повествования, однако для интродуктивной актуализации референта в легендах и мифологических рассказах используется крайне редко.

Заключение. В народных легендах явлена традиция обобщенного изображения персонажей. Для мифологических рассказов, напротив, характерно стремление к предельной референциальной конкретике в изображении протагонистов. Мифологический рассказ ценен настолько, насколько он достоверен. Сомнение в правдивости рассказа сразу снижает степень доверия слушателей. Рассказчик бессознательно выбирает те лексемы, которые позволяют как можно более точно обозначить участников событий, благодаря чему создается эффект достоверности текста. Существует устойчивая повествовательная стратегия, которой рассказчик вольно или невольно придерживается. Каждый раз он стоит перед выбором, как представить героя повествования в тексте. Традиция способна предопределить этот выбор. По уровню референциальной конкретики мифологические рассказы приближены к автобиографическим. Эта близость выражается в выборе однотипных референциальных актуализаторов. Один из самых востребованных актуализаторов как в автобиографических, так и в мифологических рассказах — термин родства. Актуализация родственной связи с рассказчиком служит дополнительным свидетельством объективности повествования.

Практика обобщенной актуализации референта в народных легендах противопоставлена конкретной референции мифологических рассказов. Бытовой разговорной речи свойственна референциальная ясность, конкретность высказывания. В этой связи стиль мифологических рассказов близок к бытовой речи. Совсем иной характер повествования наблюдается в народных легендах. Текстам этого типа присущ сниженный уровень референциальной конкретики. В референциальном аспекте тот уровень обобщения, который характерен для народных легенд, противопоставлен обыденной речи.

Примечания

1. Селезнев М.Г. Функционирование механизмов определенной референции в процессе синтеза текста. Автореф. дис. канд. ф.н. М., 1985.
2. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. М., 2005.
3. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. — Новосибирск: Наука, 1987.
4. Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992.
5. «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой; Отв. ред. В.Я. Петрухин. М.: «Индрик», 2004.
6. Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение. Гл. IV // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕРУССКОГО СЛОВА, ФУНКЦИОНИРУЮЩЕГО В ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЕ

Лексический состав русских говоров неоднороден. Этот факт признают все диалектологи. Однако существует несколько мнений по поводу того, что именно включает в себя диалектная лексическая система. Исследователи выделяют следующие пласты лексики говоров: собственно диалектную лексику и лексику, общую для всего русского языкового пространства [1]; лексику, общую с лексикой литературного языка, и лексику, неизвестную литературному языку [2]. Как промежуточную группу выделяют слова, имеющие в словаре литературного языка помету «просторечное», слова, ограниченные в своем распространении, но входящие в словарный состав литературного языка либо городского просторечия. Так, Блинова О.И. в лексике диалекта, если ее рассматривать с точки зрения соотношения с основными формами национального языка и городским наречием, вычленила три группы слов: 1) слова общерусские, употребляющиеся не только в системе диалекта, но и в ЛЯ, и в городском просторечии; 2) слова диалектно-просторечные, входящие в систему и диалекта, и городского просторечия; 3) слова собственно-диалектные, т.е. областные, бытующие только в системе диалекта [3, с. 41].

Вопрос о соотношении общерусских и диалектных слов различных частей речи в системе диалектного языка интересовал многих исследователей в области лингвистики. Развитие всех сторон языковой системы говоров определяется в настоящее время влиянием литературного языка, взаимоотношением с ним. Литературный и диалектный языки могут иметь общие точки соприкосновения ввиду генетической общности. Они находятся в отношениях взаимодействия и взаимовлияния. Лексический состав говоров неоднороден, при этом «общерусское слово не является заимствованием из литературного языка, оно существует в диалектных системах исконно, живет там своей собственной жизнью» [4].

Цель данной статьи — комплексно представить типологию отличий семантической структуры общерусских имен существительных, употребляющихся в говорах камчадалов и в литературном языке. Семантическая структура слова является одной из специфических черт, характеризующих лексико-семантическую систему языка. Сопоставление семантической структуры общерусских существительных, функционирующих в говорах камчадалов и в литературном языке (далее ЛЯ), позволило выделить три типа слов, каждый из которых включает несколько подтипов. В семантической структуре того или иного слова, функционирующего в говорах, могут сочетаться все значения, имеющиеся у него в ЛЯ, плюс собственно диалектные, либо часть значений, известных в ЛЯ, плюс собственно диалектные, а в редких случаях — только собственно диалектные значения. Отмечены случаи, когда в камчатских говорах появляется собственно диалектное слово-омоним, неизвестное в системе ЛЯ.

1 тип. Существительные, имеющие в говорах более сложную семантическую структуру, чем в литературном языке.

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уссурийский государственный
педагогический институт»

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Материалы XII международной
научно-методической
конференции

Уссурийск
2010